

Мнения/комментарии

Шок и рынок

// Быстрая либерализация не дает эффекта при слабом государстве

В Польше госрасходы на «обычное правительство» снизились накануне перехода к рынку – но в ходе самих реформ даже несколько возросли

Рисунок: Константин Куксо / Коммерсантъ

Работа над ошибками

Кто выиграл?

Пятнадцать лет назад, в начале перехода социалистических стран к рыночной экономике споры велись в основном между сторонниками радикального подхода (шоковой терапии) и градуалистами (приверженцами постепенных преобразований). Главная идея радикалов: чем быстрее проводятся реформы, тем лучше обстоят дела в экономике. Среди необходимых составляющих "хорошей" политики обычно называли либерализацию цен и рынков, снижение инфляции, ограничение госрасходов, приватизацию, а также открытие экономики – введение конвертируемости валюты и снижение торговых барьеров.

Многие страны последовали этим рецептам и испытали спад производства, из которого не выбрались до сих пор. На первый взгляд зависимость между изменением ВВП и либерализацией налицо – 10 восточноевропейских стран имеют более высокие показатели и либерализации, и ВВП (в процентах к 1989 году), чем группа 15 бывших советских республик. Однако более внимательный взгляд обнаруживает ряд несоответствий. Например, Китай не вписывается в общую картину – там при относительно низкой либерализации реформы не только не сопровождались сильным падением производства, но и привели к ускорению темпов роста. Да и список лидеров по уровню производства среди бывших советских республик отнюдь не выглядит как список самых либерализованных стран. К 2005 году только Узбекистан, Белоруссия, Казахстан, Эстония и Туркмения превзошли уровень ВВП 1989 года. Экономические успехи Белоруссии, обделенной нефтью и газом и называемой последней диктатурой Европы, явно смотрятся как вызов "традиционной мудрости".

Причины спада

Почему при переходе от плановой экономики к рыночной происходит спад производства? Среди многих причин экономического спада 1990-х в большинстве стран с переходной экономикой есть одна, которую вряд ли кто-либо будет оспаривать, – неблагоприятный шок предложения (adverse supply shock), вызванный изменением относительных цен. Это простое и понятное объяснение трансформационного спада, однако до сих пор оно не часто встречается в экономической литературе. Предположим, что 50% всего производства приходится на неконкурентоспособные отрасли промышленности – тогда весь этот сектор должен исчезнуть либо постепенно, либо сразу, в зависимости от темпов изменения относительных цен. Если либерализация происходит одномоментно, то этот сектор в одночасье становится нерентабельным, и производство сразу сокращается на 50%. А инвестирование и рост выпуска происходят только в конкурентоспособном секторе, так что для достижения прежнего уровня производства потребуется много лет. Если реформы осуществляются медленно, так что производство в неконкурентоспособных отраслях ежегодно снижается, скажем, на 10%, то спад в значительной степени может быть компенсирован ростом производства в конкурентоспособном секторе. Наилучшим вариантом, конечно, будет такой темп освобождения цен, который ведет к сокращению производства в неконкурентоспособном секторе с естественной скоростью, то есть по мере выбытия устаревшего основного капитала в отсутствие новых инвестиций.

Таким образом, из опыта стран с переходной экономикой можно сделать по крайней мере один общий вывод. Темп должен быть таким, чтобы масштаб реструктурирования не превышал инвестиционный потенциал экономики. Это главное обоснование

необходимости постепенной, а не одномоментной ликвидации барьеров и иных форм господдержки (европейскому сообществу и НАФТА потребовалось почти десять лет на ликвидацию тарифов).

Реальная картина, конечно, сложнее: успех определяется не только темпами либерализации и не только правильной макроэкономической политикой, но и способностью государства обеспечить сильные институты, без которых либерализация (рыночная экономика) не работает.

Три сценария перехода

Слабость и неэффективность государственных и негосударственных институтов проявляется в накоплении неплатежей, долларизации и бартеризации экономики, отсутствии эффективно применяемых процедур банкротств, защиты контрактов, прав собственников и общественного порядка в целом. Инфляция тоже один из показателей институциональной эффективности. Ведь высокая инфляция – следствие не столько ошибочной политики (все знают, что печатать много денег плохо), сколько слабости правительства в отношении финансовых групп, отраслевых лобби, регионов, парламента и т. д. Слабость эта проявляется и в неспособности собрать налоги, и в неспособности отказать группам давления в увеличении расходов.

Обобщенным измерителем эффективности институтов может служить финансовая мощь государства – доля госрасходов в ВВП. Три типа изменения доли госрасходов в ВВП примерно совпадают с тремя основными моделями перехода к рынку. При сильном авторитарном режиме (Китай) сокращение госрасходов относительно ВВП происходило за счет обороны, субсидий и инвестиций, тогда как расходы на "обычное правительство" (включающее все остальное – от образования до правоохранительных органов) росли примерно тем же темпом, что и ВВП. При сильном демократическом режиме (Польша) госрасходы на "обычное правительство" и другие функции снизились накануне перехода к рынку (когда прежний авторитарный режим разваливался), но в ходе самих реформ даже несколько возросли. Наконец, при слабом демократическом режиме (Россия) сократились по отношению к ВВП не только расходы на оборону, субсидии и инвестиции, но и расходы на "обычное правительство", что привело к подрыву институционального потенциала государства.

Эффект либерализации

Эмпирические данные в пользу такого подхода выглядят очень убедительно. Резкий спад производства в переходный период лучше всего объясняется неблагоприятным шоком предложения, вызванным изменением относительных цен после либерализации из-за искажений в структуре хозяйства и во внешней торговле, накопившихся в период централизованного планирования. Существует также и явная отрицательная корреляция между динамикой производства во время перехода к рынку и снижением доли госрасходов в ВВП – чем большим было падение госрасходов, тем ниже был ВВП в 1996 году в сравнении с дореформенным уровнем.

А вот факторы экономической динамики в период восстановления, когда спад завершился, отличаются от факторов спада. Достигнутый уровень экономической либерализации начинает наконец оказывать положительное влияние на динамику производства. Зато роль диспропорций в структуре хозяйства и внешней торговле сходит на нет.

ВЛАДИМИР ПОПОВ, профессор Российской экономической школы